

Суслова Евгения Дмитриевна

**ЦЕРКОВЬ И КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО В КАРЕЛИИ
В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVIII в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

С.-Петербург – 2012

Работа выполнена в исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии на историческом факультете Петрозаводского государственного университета.

Научный руководитель:

Ирина Александровна Чернякова,
кандидат исторических наук, доцент;

Официальные оппоненты:

Леонтьева Татьяна Геннадьевна,
доктор исторических наук, профессор
кафедры Отечественной истории
Тверского государственного университета;

Абеленцева Ольга Алексеевна,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Санкт-Петербургского
института истории РАН.

Ведущая организация: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

Защита состоится 3 июля 2012 г. в 14.30 на заседании Диссертационного совета Д. 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

П. В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Обращение к истории православных приходов определено их местом в социальной структуре Российского государства в конце XV — начале XVIII века. Особую роль приход играл в северо-западном регионе, где долгое время сохранялись традиции самоуправления. Приходская община самостоятельно возводила храм, заботилась о его благолепии, выбирала и смещала членов церковного причта, распоряджалась церковной казной. Вокруг приходской церкви была сосредоточена духовная и хозяйственная жизнь локального сообщества — крестьян, составлявших церковную общину, и клира, стоявшего во главе ее. Карелия была пограничным со Шведским королевством регионом и это отразилось на характере взаимоотношений клириков и крестьян, истории сельского духовенства как социальной группы.

Комплексного исследования повседневной жизни карельских приходов в конце XV — начале XVIII века до сих пор не проводилось. В отдельных главах многоплановых работ и статьях дана общая характеристика организации приходской общины и ее деятельности. Социальный статус клириков и причетников изучен главным образом по материалам центральных епархий.

Степень изученности темы. История православных приходов допетровской эпохи является предметом специального изучения со второй половины XIX века. В историографии обсуждается широкий комплекс взаимосвязанных проблем — о складывании церковно-приходской системы, о социальном статусе сельского духовенства и его взаимоотношениях с мирянами, о становлении низшей епархиальной администрации.

Вопрос о механизме формирования приходов поставил К. А. Неволин. Опираясь на писцовые книги конца XV — первой трети XVII века, он пришел к выводу, что появление погостов всегда предшествовало возведению храма¹. П. В. Знаменский продолжил разработку вопроса и изучил организацию строительства храмов по актам. Историк был убежден, что выставочная дочерняя церковь находилась в зависимом положении у главной церкви центрального поселения до тех пор, пока волость, в которой она стояла, не получала административной, а затем церковной самостоятельности². М. М. Богословский сопоставил сведения из писцовых и переписных книг XVII века и пришел к выводу о территориальном совпадении церковного прихода и волости в Поморье. С его точки зрения вновь образованные приходы давали начало новым волостям, а новые волости — приходам³. С. В. Юшков привлек акты по истории Лодомской церкви Архангельской епархии XVI—XVII веков и показал, что только с возведением церкви союз деревень превращался в независимую податную общину⁴.

Тогда же стал разрабатываться вопрос о количестве церквей и численности причтов в Новгородских землях. Исследователи обращались к разнообразным материалам XIV—XVII веков. И. М. Покровский изучил приходо-расходные книги патриаршего казенного

¹ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. (с приложением карты) // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 8. СПб., 1853. С. 87, 98, 105.

² *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 60–61. (переизд. с изд. 1863 г.); *Неволин К. А.* О пятинах и погостах... С. 3–382 (Приложения I–XIII).

³ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 19–21, 47–48.

⁴ *Юшков С. В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913. С. 67–68, 70.

приказа за 1577 и 1651 гг.⁵ В. М. Верюжский проанализировал акты по истории Двинского края⁶. М. М. Богословский исследовал писцовые и переписные книги XVII века семи уездов Поморья⁷. Особого упоминания заслуживает работа архимандрита Сергия (Тихомирова), который подсчитал количество церквей и численность сельского духовенства Водской пятины по переписной окладной книге 1500 г.⁸

Позднее, в 60—80-х гг. XX века, были сформулированы наблюдения и проведены подсчеты, внесшие значимый вклад в разработку вопроса о складывании церковно-приходской системы в XVI—XVII столетиях. Так, М. В. Витов, изучив писцовые и переписные книги Заонежских погостов, отметил, что к концу 1670-х гг. количество выставочных церквей заметно увеличилось по сравнению с серединой XVI века.⁹ Авторы коллективной монографии по аграрной истории северо-запада России Т. И. Осьминский, Н. Н. Масленникова, Г. В. Абрамович выяснили общее количество дворов, принадлежавших церковным причтам, а также число «людей», в них проживавших; А. Я. Дегтярев пришел к выводу об интенсивном строительстве церквей уже в середине XVI века¹⁰. Я. Е. Водарский привлек материалы первой ревизии и сведения ведомостей 1738 г. и установил, что в начале XVIII столетия общая численность духовенства — клириков, членов их семей и монашествующих лиц — составляла не более 140 тыс. чел.¹¹

Особую роль в повышении интереса к проблеме и дальнейшей ее разработке сыграли научно-практические конференции по вопросам изучения и подготовки к изданию писцовых книг и других историко-географических источников XV—XVIII веков, регулярно проводимые с 1988 г. (семнадцатая состоялась в сентябре 2011 г. в г. Каргополе).

В конце 1980-х — 2010-е гг. были опубликованы работы о складывании церковно-приходской системы в различных епархиях Московского патриархата. З. В. Дмитриева, М. И. Мильчик, А. А. Селин, Д. В. Кирюшкин, Г. В. Демчук, Н. Н. Уткин, Н. П. Воскобойникова, В. С. Румянцева, Е. Б. Французова установили количество церквей в разных регионах Русского Севера по писцовым и переписным книгам XVI—XVII веков в одном или двух хронологических срезах.

И. А. Чернякова выяснила какие храмы и в каком количестве стояли в Лопских и Заонежских погостах (семи северо-западных и тех, которые располагались вокруг Онежского озера) с начала 1560-х до конца 1670-х гг. и, предложив новую методику ареализации упоминаний алтарных посвящений в источниках массового характера, сделала

⁵ *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI—XIX вв. Их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования: в 2-х т. Казань, 1897. Т. 1. XVI—XVII вв. С. 89–92.

⁶ *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 328–329.

⁷ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 19–21.

⁸ *Сергий (Тихомиров), архим.* Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. 456 с.

⁹ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья: из истории сельских поселений XVI—XVII вв. М., 1962. С. 101.

¹⁰ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Руководитель авт. коллектива и отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 78–80; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины / Руководитель авт. коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 70, 81, 96, 194; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Руководитель А. Л. Шапиро. Л., 1978. С. 150–152.

¹¹ *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 82.

важные наблюдения о зональном распределении предпочтений в почитании святых¹². А. Е. Мусин, привлекая акты, отметил, что интенсивное строительство выставочных церквей развернулось в крае в 1520—1540-х гг.¹³ Д. А. Баловнев установил количество церквей в новгородских пятинах по писцовым книгам конца XV — первой половины XVI века, а также численность клириков, причетников и проскурниц¹⁴. А. Ю. Жуков ограничился публикацией таблиц с информацией об алтарных посвящениях приходских и монастырских храмов, стоявших в пяти Заонежских погостах в 1496—1749 гг. Исследователь привлек сведения писцовых и переписных книг XV — начала XVIII веков, а также перечни священно-церковнослужителей первой половины XVIII века¹⁵.

Вопрос о повседневной жизни сельских клириков был впервые поставлен в середине XIX столетия. Г. М. Любимов одним из первых изучил способы содержания греческого и российского духовенства в X—XVIII веках. Исследователь пришел к заключению, что неопределенные размеры приходов, отсутствие фиксированной руги клирикам, расширение причтов, увеличение архиерейских сборов привели во второй половине XVII века к снижению уровня жизни сельского духовенства, которое являлось поголовно бедным¹⁶. П. В. Знаменский согласился с наблюдениями Г. М. Любимова и подтвердил их сведениями актов. Более того, историк выяснил, что среди клириков были такие, кто имел самый низкий социальный статус — крестцовые и безместные. Ему удалось обнаружить, что уровень жизни клириков в центральных и северных епархиях, городских и сельских приходах не был одинаковым¹⁷. Опираясь главным образом на акты материалы центральных епархий, П. В. Знаменский сделал вывод, что сельские клирики находились в зависимом положении от владельцев церкви (помещика или крестьянской общины).

¹² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 55–73; Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 206–213; *Tcherniakova I. Churches and Monasteries on the Shores of Lake Onego: Karelia // Saints of Europe: Studies Towards A Survey of Cults and Culture / Ed. by G. Jones. Donington: Shaun Tyas, 2003. P. 135–170; Чернякова И. А., Черняков О. В. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 18—20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 34–46.*

¹³ Мусин А. Е. Становление православия в Карелии (XII—XVI вв.) // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения '95»: сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 242–262.

¹⁴ Баловнев Д. А. Приходское духовенство XV — начала XVI в. по новгородским писцовым книгам (численность и особенности состава) // Отечественная история. 2004. № 4. С. 131–139.

¹⁵ Жуков А. Ю. 1) Престольные праздники Верхнего Присвирия в XV—XVIII вв.: опыт анализа переписей // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография: Сборник статей. Петрозаводск, 2010. С. 87–129; 2) Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV — первой половине XVIII в. // «Уведи меня, дорога»: Сборник статей памяти Т. А. Бернштам. СПб., 2010. С. 249–292.

¹⁶ Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII—XVIII вв. Изд. 2-е. СПб., 1852. 185 с.

¹⁷ Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси... С. 104, 112, 118.

Д. Введенский углубил представления о социальном статусе крестцовых священников Москвы, предоставлявших услуги за плату¹⁸. Обязанности и полномочия приходского духовенства, определенные Соборным Уложением 1649 г. и законодательными актами второй половины XVII — начала XVIII веков, были детально изучены М. Ф. Архангельским¹⁹.

В. М. Верюжский, М. М. Богословский и С. В. Юшков исследовали деятельность приходской общины на Русском Севере. В. М. Верюжский выявил бытовавший в приходах порядок выборов членов причтов и способы контроля за церковной казной на примере Холмогорской и Устюжской епархии 1680—1690-х гг. Исследуя особенности выплаты клиру руги, он установил, что между членами общины не было единого мнения и приходские дела решались наиболее зажиточными крестьянами²⁰. По мнению В. М. Верюжского, первые попытки ограничить самостоятельность общины были предприняты еще до реформ Петра Великого — при архиепископе Афанасии в 80-х гг. XVII века. М. М. Богословский изучил обязанности и полномочия церковных старост, особенности получения крестьянами займов деньгами и зерном из церковной казны. Историк обратил внимание, что сельские клирики могли быть кредиторами общины²¹. С. В. Юшков изучил внутренний строй жизни приходов Русского Севера, разделив их на четыре типа. Исследователь был убежден, что особенности каждого типа определялись тем, кто был строителем храма — монах, вотчинник, община или все жители уезда²².

В 1960—1980-е гг. исследователи активно занимались выявлением особенностей жизни приходского духовенства, проясняющих их социальный статус в XVII веке. В частности, М. Н. Тихомиров и Н. Б. Голикова установили, что клирики предоставляли купцам кабальные займы²³. Н. Ф. Демидова изучила многочисленные факты поступления бывших церковных дьячков и сыновей клириков в подьячие²⁴.

В 1990—2010-е гг. увидели свет работы, посвященные разным сторонам повседневной жизни сельских приходов в XVI—XVII веках. З. А. Тимошенкова рассмотрела взаимоотношения священников и прихожан во второй половине XVII столетия по материалам вотчины Иверского монастыря, исследовав механизмы назначения руги, выбора кандидатов на церковные должности, определения размеров церковных земельных участков²⁵. Е. Б. Емченко объяснила употребление терминов «причт» и «миряне» в тексте

¹⁸ Введенский Д. Крестцовое духовенство в старой Москве. М., 1899. 41 с.

¹⁹ Архангельский М. Ф. О Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. (7156 г.) в отношении к православной русской церкви. СПб., 1881. 160 с.

²⁰ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 205.

²¹ Богословский М. М. 1) Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира... С. 39–46; 2) Кредит в земском хозяйстве XVII в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому его учениками, друзьями, почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском ун-те. М., 1909. С. 29–43.

²² Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913. 134 с.

²³ Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в Русском городе XVII в. // Он же. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 23–138; Голикова Н. Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979. С. 161–197.

²⁴ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.

²⁵ Тимошенкова З. А. 1) Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // Средневековая и новая Россия: сб. научных статей

Стоглава 1551 г.²⁶ Е. Н. Швейковская определила социальную роль церковных трапез на Русском Севере²⁷. М. С. Черкасова изучила материальное положение клира по переписным окладным книгам Вологодско-Белозерской епархии 1646/47 и 1676/77 гг. и пришла к заключению, что уровень его жизни был низким²⁸. П. С. Стефанович всесторонне исследовал социальный статус приходского духовенства, его взаимоотношения с мирянами в центральных епархиях в XVI—XVII веках²⁹.

Хотя в историографии отмечены случаи выдачи священниками и причетниками займов крестьянам, получения мирянами ссуды из Патриаршего приказа³⁰, в целом вопрос о масштабах участия сельских клириков в займах деньгами, продуктами сельского хозяйства и ремесла до сих пор не стал предметом специального изучения. Недостаточно исследована социальная история приходов Заонежских и Лопских погостов. В обобщающей работе по истории православия в Карелии А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин и О. А. Захарова пришли к пессимистичному выводу о невозможности всестороннего изучения взаимоотношений священников с паствой в XVII веке в связи с отсутствием источниковой базы³¹.

Особое внимание уделено изучению практики замещения церковных должностей. И. А. Чернякова выявила генеалогии двух священнических династий, представители которых служили в Кондопожском, Челмужском, Повенецком и Пудожгорском приходах на протяжении нескольких столетий по писцовым и переписным книгам XVI—XVII веков³². М. В. Пулькин, опираясь на актовые материалы начала XVIII столетия, пришел к противоположному выводу. Исследователь утверждает, что в Кондопожском приходе не сложилось семейной преемственности в передаче церковных должностей, значимую роль продолжали играть приходские выборы³³. Обратившись к текстам опубликованных карельских рун, М. В. Пулькин высказал наблюдение об отношении карелов

к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 474–493; 2) Социокультурный облик северо-западной деревни XVII — XVIII вв. Псков, 1999. 260 с.

²⁶ *Емченко Е. Б.* «Причт» и «миряне» по материалам церковного законодательства XVI в. // Церковь в истории России. Сб. 1. М., 1997. С. 56–69.

²⁷ *Швейковская Е. Н.* Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей: Человек в истории. Трапеза. М., 1999. С. 14–20.

²⁸ *Черкасова М. С.* Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2008. С. 234–251.

²⁹ *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. М., 2002. 352 с.

³⁰ *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003. С. 30; *Дадыкина М. М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI—XVII вв.: дипломатическое исследование: автореф. дис... канд.ист.наук. СПб ИИ РАН. СПб., 2005. С. 21; *Лушина И. А.* Книги заемным кабалам Патриаршего Казенного приказа первой половины XVII в. как исторический источник // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 136.

³¹ *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С. 64.

³² *Чернякова И. А.* «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых» — легенда или фальсификация? // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. 19: Пределы земли и создания (Boundaries of Earth and Consciousness). Helsinki, 2002. С. 9–23; *Чернякова И., Шевцов В., Пудышев Г.* Успенская церковь в Кондопоге: день нынешний и век минувший (к истории церковного прихода) // Краевед 10 лет: сб. статей. Петрозаводск, 1999. С. 36–50.

³³ *Пулькин М. В.* Кондопожский приход в начале XVIII в. // Кондопожский край в истории Карелии и России: материалы III Краеведческих чтений, посвященных памяти С. В. Шежемского (г. Петрозаводск — г. Кондопога, 7–8 апреля 2000 г.). Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 150–155.

к церковным обрядам и священнику. Он полагает, что в карельских приходах священник пользовался уважением прихожан, конфликты были главным образом связаны с оплатой церковных треб³⁴.

Г. Фриз (G. Freeze), анализируя социальный статус русского сельского духовенства в XVIII веке в сравнении с предшествующей эпохой, ограничился заимствованием имеющихся в историографии выводов относительно положения клириков в XVII столетии³⁵.

Д. Култэр (D. Coulter) изучила по материалам центральных епархий проведение церковных реформ второй половины XVII века, связанных со статусом вдовых священников, ограничением полномочий приходской общины в распоряжении церковной казной и в выборах кандидатов на церковные должности³⁶.

Вопрос о складывании низшего звена епархиального управления является одним из наиболее дискуссионных еще со второй половины XIX столетия. Н. Ф. Каптерев создал концепцию развития института светских слуг архиереев в XI—XVII веках, охарактеризовал сферу их полномочий и выявил причины их замены лицами духовного сана³⁷. Он подчеркивал, что архиереи поручали поповским старостам только сбор церковных пошлин, так как поповские старосты не были должным образом подготовлены и, кроме того, являясь выборными представителями приходского духовенства, нередко отстаивали интересы местного клира.

Положения, выдвинутые Н. Ф. Каптеревым, подверглись критике. В. М. Верюжский, И. И. Шимко, Е. М. Прилежаев, В. Н. Самуйлов показали, что должность поповского старосты получила распространение в отдельных епархиях уже во второй половине XVI — начале XVII века³⁸. Е. М. Прилежаев, изучив акты Новгородского Софийского дома XVII столетия, пришел к выводу, что поповские старосты стали полноправными сборщиками церковной дани с 1673 г. По мнению историка челобитные священников с просьбами к владыке утвердить их на должности старост свидетельствуют о стремлении использовать власть в корыстных целях, обогатиться за счет сборов³⁹. И. Ф. Перов детально проанализировал определения церковного собора 1551 г., инструкцию поповским старостам патриарха Адриана 1697 г. об организации выборов поповских старост и их деятельности. Опираясь на акты второй половины XVII века, исследователь пришел к заключению, что главной обязанностью поповских старост был контроль за церковным благочинием и нравственностью⁴⁰.

Изучив акты о деятельности поповских старост в центральных епархиях (Ростовской, Суздальской и в Патриашей области), П. С. Стефанович пришел к выводу, что принцип самоуправления духовенства, утвержденный Стоглавом 1551 г., так и не был

³⁴ Пулькин М. В. Приходская повседневность и карельские эпические песни // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 97–102.

³⁵ Freeze G. The Russian Levites: Parish clergy in the eighteenth century. Cambridge; L., 1977. 325 p.

³⁶ Coulter D. Church Reform and the «White Clergy» in Seventeenth-Century Russia // Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia. L.; NY, 2004. P. 291–316.

³⁷ Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. 239 с.

³⁸ Прилежаев Е. М. Новгородская Софийская казна // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 8. С. 226; Шимко И. И. Патриарший казенный приказ. М., 1894. С. 97; Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 65; Самуйлов В. Н. Десятинники и поповские старосты (из истории церковного управления в округах епархии) // Церковные ведомости. 1900. № 35. С. 1393.

³⁹ Прилежаев Е. М. Новгородская Софийская казна // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 10. С. 126–127.

⁴⁰ Перов И. Ф. Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882. С. 108–110.

полностью реализован в XVII веке. В то же время, по мнению исследователя, отдельные элементы самоуправления воплощались в практике приходской жизни: поповские старосты исполняли разнообразные поручения, в том числе судебного характера, и даже находили способы в чем-то не согласиться со слугами митрополита⁴¹.

М. С. Черкасова, исследовав документы XVII века по Вологде, Устюгу и Верховажской четверти, охарактеризовала деятельность поповских старост и десятильников (светских слуг, состоявших на службе митрополита)⁴². Она отметила, что особая сплоченность местного сообщества, тесная взаимосвязь церковной и общинной жизни на Ваге позволяли клирикам даже при отсутствии поповских старост отстаивать свои интересы⁴³.

Анализируя особенности деятельности светских слуг митрополитов центральных епархий в XVII веке, Г. Мичелз (G. Michels) повторяет вывод о совершавшихся ими злоупотреблениях⁴⁴.

Остается неизученным вопрос о том как складывались взаимоотношения воевод и представителей низшей епархиальной администрации. Еще в середине XIX века Б. Н. Чичерин, обратившись к наказным памятям, отправленным на имя воевод, установил, что последние получали от епископов и из центральных приказов распоряжения о строительстве церквей, о контроле за поведением причта, о выдаче ему царской руги. По мнению автора, это давало воеводам повод для самовольного вмешательства в церковные дела⁴⁵. М. И. Горчаков всесторонне исследовал деятельность Монастырского приказа в 1649—1667 гг., однако не коснулся вопроса о судебных полномочиях воевод, которые были им предоставлены Соборным Уложением 1649 г.⁴⁶

В историографии традиционно подчеркивается участие клира в земских делах. При этом историки ограничиваются перечислением обязанностей, которые возлагала на него община. П. В. Знаменский, М. Ф. Архангельский, В. М. Верюжский и М. М. Богословский отмечали, что священники и дьячки составляли и удостоверяли разнообразные документы по просьбам крестьян⁴⁷. С. Я. Капустин выявил, что священники нередко становились доверенными лицами при оформлении поручительства⁴⁸. Н. А. Заозерский установил, что крестьяне избирали клириков в третейские судьи⁴⁹.

Таким образом, к настоящему времени внесен значимый вклад в изучение проблемы как на общероссийском, так и на локальном уровне. Сделаны выводы об особенностях

⁴¹ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. М., 2002. С. 216–219, 221, 230.

⁴² Черкасова М. С. К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI — начале XVIII в. // Государство и общество в России XV — XX века: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 216–217.

⁴³ Черкасова М. С. Документы XVII—XVIII вв. из архивов соборных храмов в Вельске и Верховажье // Вестник церковной истории. № 12. 2008. С. 66.

⁴⁴ Michels G. Ruling Without Mercy: Seventeenth-Century Russian Bishops and Their Officials // Explorations in Russian and Eurasian History. 2003. No 4. P. 515–542.

⁴⁵ Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. 591 с.

⁴⁶ Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649–1725 гг.): опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. 296 с.

⁴⁷ Знаменский П. В. Приходское духовенство... С. 79, 157; Архангельский М. Ф. О Соборном Уложении... С. 108; Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ... С. 223; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 2. Деятельность земского мира.. С. 34.

⁴⁸ Капустин С. Я. Древнее русское поручительство. Казань, 1855. С. 36–37.

⁴⁹ Заозерский Н. А. Духовное лицо в звании третейского судьи в Древней Руси // Богословский вестник. 1899. Т. 1. № 4. С. 541–546, 552–558.

храмового строительства в конце XV — первой трети XVII века, выявлен состав церквей в отдельных Заонежских и Лопских погостах на протяжении XVI—XVII веков. Тем не менее, до сих пор отсутствуют обобщающие работы о развитии церковно-приходской системы в регионе в целом с конца XV по начало XVIII века. Вопросы о социальном статусе духовенства и его взаимоотношениях с прихожанами изучены в основном на примере духовенства центральных епархий. В работах, посвященных истории приходов Русского Севера и северо-запада России, основное внимание уделено исследованию деятельности приходской общины. Малоизученными и спорными остаются вопросы относительно повседневной жизни сельского духовенства, времени и особенностей формирования устойчивых от поколения к поколению фамильных и родственных связей клириков и причетников, о статусе поповских старост, а также о практиках вмешательства воевод во внутреннюю жизнь приходов.

Объектом исследования являются православные приходы семнадцати Заонежских и семи Лопских погостов.

Предметом исследования выступает социальная организация локального приходского сообщества, во главе которого находился церковный причт.

Цель исследования заключается в изучении местного духовенства на уровне его фамильных и родственных связей, а также взаимоотношений клириков с крестьянским сообществом, частью которого они являлись.

Основные задачи исследования заключаются в том, чтобы:

- проанализировать особенности складывания церковно-приходской системы в конце XV — начале XVIII века;
- установить численность священно- и церковнослужителей, исследовать составы причтов;
- выявить характерные черты биографий сыновей клириков, составить генеалогические схемы родства сельского духовенства и изучить особенности формирования династий священнослужителей;
- определить роль общины в выборах кандидатов на церковные должности и в назначениях выплат причту, а также степень влияния приходских традиций и обычаев на взаимоотношения клириков и крестьян;
- охарактеризовать участие местного духовенства в выдаче жителям уезда займов деньгами и продуктами сельского хозяйства и ремесла, определить роль священнослужителей в хозяйственной жизни общины;
- выяснить уровень вовлеченности приходского духовенства в решение земских дел и его роль в управлении регионом.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XV — первое десятилетие XVIII века, то есть эпоху централизованного Российского государства до начала преобразований Петра Великого.

Выбор широкой хронологической перспективы продиктован стремлением обнаружить процесс складывания церковно-приходской системы, зарождение и развитие фамильных связей местного духовенства. Всестороннее изучение взаимоотношений сельского духовенства и крестьянской общины основано на исчерпывающем привлечении актовых материалов второй половины XVII века.

Территориальные рамки исследования определены приходской сетью семнадцати Заонежских и семи Лопских погостов, которые в 1649 г. были объединены в единое административное образование — Олонецкий уезд. Исследование не включает приходы

погоста с центром в Пиркиничах, переданного в конце 1610-х гг. в вотчину Александровского монастыря, а также Выгозерского погоста и Шуерецкой волости, которые были выделены в особый округ в конце XVI — начале XVII века и переданы в ведение Соловецкой обители.

Приходы Заонежских погостов входили в состав Коловой (Олонец и Окологородье) и Заонежской (Выгозерский, Оштинский и Водлозерский станы) десятин Новгородской епархии. Приходы Лопских погостов составляли особое церковно-административное образование в составе Новгородской епархии.

Методологическая основа исследования. В основу работы положены принципы историзма и системности, предусматривающие последовательный и всесторонний анализ исторических явлений в их взаимосвязи друг с другом и позволяющие объективное рассмотрение поставленной проблемы. Историко-генетический метод использован при исследовании священнослужительских династий и складывания церковно-приходской системы в целом. Историко-сравнительный метод применялся для сопоставления позиций новгородского митрополита и его слуг, олонецкого воеводы, общины и духовенства, для изучения особенностей храмового строительства, а также в установлении практики подбора кандидатов на церковные должности в Заонежских и Лопских погостах.

Методики исследования. В ходе решения поставленных задач использованы компьютерные технологии обработки массивов информации. В программе «FileMaker Pro» были созданы две базы данных. Одна из них — «Приходские церкви и духовенство Заонежских и Лопских погостов в середине XVI — начале XVIII века» (198 многоуровневых электронных карточек) — представляет собой систематизированный источник сведений о количестве церквей, а также о составе их причтов. Другая — «Сельское духовенство карельских приходов по актам XVII века» (550 карточек с дополняющими друг друга информационными полями) — является просопографической и разработана с целью восстановления индивидуальных и общих судеб клириков.

Источниковую основу исследования составили три группы опубликованных и неопубликованных документов.

В первую очередь использованы законодательные акты. Среди них — Соборное Уложение 1649 г., царские указы и грамоты, которые регламентировали порядок организации судопроизводства, определяли обязанности клириков в сфере составления и удостоверения актов в XVII веке. Привлечены определения церковных соборов 1551, 1667 и 1675 гг., инструкция поповским старостам патриарха Адриана 1697 г., в которых дается полный перечень установлений, касавшихся церковного устройства приходов, церковного суда, определены обязанности священно- и церковнослужителей.

Ко второй группе источников относятся писцовые и переписные книги конца XV — начала XVIII века, содержащие сведения о количестве и деталях архитектурного облика церквей, составе причтов, их дворах и земельных участках.

Проанализированы сведения пяти писцовых книг Заонежских погостов, из которых четыре (1496, 1563, 1582/ гг.) опубликованы полностью, одна (1628—1631 гг.) — частично и еще одна (1616—1619 гг.) остается неопубликованной. К исследованию также привлечена опубликованная дозорная книга Лопских погостов 1597 г. Кроме того, изучены три переписные книги 1646, 1678 и 1707 гг. Все указанные источники хранятся в фонде Поместного приказа РГАДА (ф. 1209).

Из коллекции Боярских и городовых книг РГАДА (ф. 137) проанализирована переписная книга солдатского высельщика Ивана Дивова 1656/57 г., содержащая сведения о родственниках духовенства и причетниках, записанных на службу или освобожденных

от нее, а также приходо-расходные книги г. Олонца, в которых сохранились данные о размерах царской руги клириков Троицкого собора.

Третью группу источников составили акты приказного делопроизводства. Изучены материалы судебных дел и административная документация десяти картонов фонда «Олонецкой приказной избы» (ф. 98) Архива Санкт-Петербургского Института Истории РАН. Акты датированы второй половиной XVII в. (343 дела)⁵⁰. Отдельные грамоты и дела выявлены в составе коллекции «Актов Новгородского Софийского дома» (колл. 171) Архива СПб ИИ РАН (18 дел) за 1619—1697 гг., а также в четырех коллекциях РГАДА (9 дел). Учтены все опубликованные в изданиях середины XIX — середины XX в. акты (всего — 42), датированные 1543—1700-ми гг. В актах содержатся сведения о деятельности поповских старост и повседневной жизни клира и крестьян.

Научная новизна исследования. Предпринят комплексный анализ сведений, выявленных в актах приказного делопроизводства, в сопоставлении с информацией источников массового характера: писцовых и переписных книг. Тем самым удалось восстановить картину повседневной жизни сельского духовенства в широкой хронологической перспективе, расширить представления об особенностях формирования династий священнослужителей. Большая часть использованных в работе актов архивных материалов впервые вводится в научный оборот.

В основу исследования положен микроисторический подход, что позволило определить перемены во взаимоотношениях крестьянской общины и клириков в связи с возникновением и разрешением спорных вопросов, а также спустя некоторое время после их урегулирования.

Практическая значимость. Содержательная часть и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих исследованиях, в лекционных курсах по социальной истории России XVI — начала XVIII века и истории русской православной церкви, при изучении повседневности сельского духовенства и приходской жизни в XVII—XVIII веках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Церковно-приходская система в семнадцати Заонежских и семи Лопских погостах сложилась уже к середине XVI века. В последующие полтора столетия она интенсивно развивалась за счет дробления старинных погостских приходов и возведения в деревнях новых выставочных церквей.

2. В первой половине XVII века строительство церквей происходило более интенсивно в северо-западных Заонежских погостах, во второй половине столетия — в юго-восточных.

3. Большинство причтов не были многочисленными. Обычно в них состояли от одного до четырех человек. Тем не менее, представительность причта могла достигать до двенадцати человек. Условия служения клириков зависели от благосостояния прихожан и от занимаемых ими церковных должностей.

⁵⁰ Материалы доступны автору диссертации в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, действующей на Историческом факультете Петрозаводского государственного университета с 2004 г. (руководитель доц. И. А. Чернякова), где в рамках международного четырехстороннего соглашения TERP (Teaching-Editing-Research Project) готовятся к опубликованию средствами интернет. См. подробнее: TERP: Электронный ресурс // Сайт ИЛЛМИК, ИФ, ПетрГУ. Режим доступа: <http://illmik.petrus.ru/illmik/TERPrus.html>, свободный. Яз. рус. Проверено 07.04.2012.

4. Династии священнослужителей в отдельных приходах стали оформляться со второй половины XVII века. В начале XVIII столетия большинство карельских клириков и причетников происходили из местного духовенства.

5. Сельское духовенство Олонецкого уезда оставалось во второй половине XVII века открытой социальной группой.

6. В среде приходского духовенства развивалась имущественная дифференциация. Ее углубление во второй половине XVII столетия было связано с участием клириков в выдаче денежных и натуральных займов местному населению.

7. Социальный статус сельских священников был высоким. Крестьяне видели в них лучших представителей общины. Священники и причетники умели отстаивать свои интересы. Наиболее зажиточные из них участвовали в управлении регионом и оказывали заметное влияние на настроения в приходах.

Апробация. Результаты диссертационного исследования регулярно докладывались автором на занятиях методологического семинара в ИЛЛМИК, а также на заседаниях кафедры Всеобщей истории ПетрГУ.

Основные положения исследования были озвучены в виде докладов и сообщений за рубежом: на *первом мировом конгрессе по истории окружающей среды (First World Congress of Environmental History)* «Local Livelihoods and Global Challenges: Understanding Human Interaction with the Environment» (г. Копенгаген, Дания — г. Мальме, Швеция, 4—8 августа 2009 г.); *шестой конференции Европейского общества истории окружающей среды (The 6th European Society for Environmental History conference)* «Encounters of Sea and Land» (г. Турку, Финляндия, 28 июня — 2 июля 2011 г.); *финляндско-русской конференции* «Encountering the Russian North» (г. Йюэнсуу, Финляндия, 12—13 сентября 2006 г.); на *международных конференциях*: IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4—8 июля 2011 г.); межвузовской ассоциации "История и компьютер" «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях (Урозеро, Петрозаводск, 11—16 июня 2011 г.); «Новгородика—2008: Вечевая республика в Истории России» (Великий Новгород, 21—23 сентября 2008 г.); *международной летней школе* «State and Periphery in Controversy: The Local society formation on the Karelian borderland in a European context» с участием аспирантов ПетрГУ, докторантов университетов Йюэнсуу и Хельсинки, и профессоров из Финляндии (Йюэнсуу), Швеции (Ваксье) и Германии (Киль), (Урозеро, Петрозаводск, 10—13 сентября 2007 г.); *всероссийских конференциях*: Рябининские чтения—2011: «Свое» и «Чужое» в культурных традициях Русского Севера (Петрозаводск, 12—17 сентября 2011 г.); XVI-м Всероссийском совещании по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI—XX вв. (г. Кириллов, 10—12 сентября 2009 г.); XV-й Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX вв.» (Москва, 2—3 июля 2007 г.); первой и второй всероссийских (с международным участием) научных конференциях молодых исследователей «Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты» (г. Тверь, 23—26 апреля 2006 г.; 15—18 апреля 2007 г.); научной конференции «Прошлое Новгорода и Новгородской земли» (Великий Новгород, 15—17 ноября 2005 г.); *региональной научной конференции*, посвященной 780-летию крещения карелов «Православие в Карелии» (г. Петрозаводск, 16—17 октября 2007 г.).

Основные положения диссертации отражены в статьях, опубликованных в сборниках и научных журналах, вышедших в Москве, Твери, Новгороде, Петрозаводске, а также в электронном Журнале отчетов и публикаций ИЛЛМИК (ISSN 1819-9399). См.:

[Электронный ресурс], режим доступа: <http://illmik.petrso.ru/illmik/Journal.html>, свободный. Яз. рус. и англ.

В целом по теме диссертации опубликовано 13 научных статей, из которых две — в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Кроме того, изданы тезисы выступлений, озвученных на двух международных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы цели и задачи работы, дана характеристика историографии и источников.

Первая глава «Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII в.» посвящена изучению складывания карельских приходов в широкой хронологической перспективе. В первом параграфе *«Церкви и причты Заонежских погостов»* выявлено общее количество храмов, численность клириков и причетников, состав причтов и условия их служения в приходах по семи хронологическим срезам.

К началу 1560-х гг. в регионе находилось 60 церквей. Церкви стояли на всех 17-ти погостах и в выставках, то есть поселениях, хозяйственно обособившихся от главного села. Из числа указанных храмов 31 погостский и 3 выставочных стояли уже в 1496 г.

Интенсивное возведение храмов продолжалось вплоть до конца 1570-х гг. (построено еще 13). Оно приостановилось в связи с хозяйственным кризисом и сменилось разорением многих храмов в северо-западных погостах, подвергшихся нападению шведских отрядов на заключительном этапе Ливонской войны. Всего в начале 1580-х гг. действовали 63 приходских церкви, 17 храмов были сожжены шведскими отрядами в 1579—1581 гг.

Новый этап строительства церквей пришелся на конец 1610-х гг. (15 новых храмов) и продолжался до середины 1630-х гг. (13 новых храмов). В конце 1610-х гг. действующими являлись 12 из 17-ти церквей, разрушенных шведскими отрядами в Ливонскую войну. Восемь храмов, сожженных в 1612—1614 гг. двумя польско-литовскими отрядами во время рейда вокруг Онежского озера, были восстановлены только к началу 1630-х гг.

Писцовая книга 1616—1619 гг. составлялась в то время, когда шло активное восстановление хозяйства, возведение новых церквей на месте старых. Недостаток источников не позволяет уточнить, сколько именно храмов было разрушено в начале 1610-х гг. В редких случаях писцы упоминали о состоянии церквей в предшествовавшие годы. Всего в конце 1610-х гг. в 15-ти Заонежских погостах (описания Выгозерского и Челмужского погостов в писцовую книгу не включены) стояли 82 приходских храма.

Строительство церквей приостановилось к середине 1640-х гг., когда из-за череды неурожайных лет возросла тяжесть налогового бремени. С середины 1630-х гг. было возведено всего шесть новых храмов. Из 34-х храмов, возведенных с начала 1580-х до середины 1640-х гг., 23 находились в северо-западных погостах, в два раза меньше — 11 — в юго-восточных. Более того, в 1646 г. на месте выставочных храмов в Немже и Каргиницах южного Веницкого погоста были отмечены часовни. Всего в середине 1640-х гг. в Заонежских погостах стояло 104 церкви.

В начале 1650-х — конце 1670-х гг. наметился новый этап возведения храмов. Церкви появились как в юго-восточных (16), так и в северо-западных (12) погостах. Строительство продолжалось вплоть до начала XVIII века. В переписной книге 1707 г. отмечено

ны еще 17 новых храмов: 12 стояли в юго-восточных, 5 — в северо-западных погостах. В целом, конце 1670-х гг. в погостах насчитывалось 127 церквей, в начале 1700-х — 133.

В период с середины XVI до конца XVII века крестьяне перестраивали старинные и разрушенные храмы, которые нередко получали новые посвящения.

Количество священно- и церковнослужителей (с учетом проскурниц, входивших в состав причтов, но не в церковную иерархию) увеличилось с середины XVI до начала XVIII века почти в три раза. В начале 1560-х гг. их было 123 человека, в начале 1580-х — 167, в начале 1610-х — 178, в середине 1640-х — 233, в конце 1670-х — 288, в начале 1700-х — 345.

Состав должностей в причтах в середине XVI — начале XVIII века оставался устойчивым. В большинстве случаев в причты входили по два, три или четыре человека: священник, один-два церковнослужителя и/или проскурница. Самыми многочисленными были причты погостских храмов, включавшие по шесть-двенадцать человек. Несмотря на это, в них состояли всего по два или три священнослужителя, остальные должности занимали пономари, дьячки и/или проскурницы.

Сокращение или расширение состава причтов зависело от материального благосостояния приходов. Еще в начале 1560-х гг. в причтах всех приходских церквей служили клирики. Спустя двадцать лет в двух выставках — на Лычном Острове и в Челмужах — церковные должности никем не были заняты. К началу 1610-х гг. количество таких выставок увеличилось до шести. Только в середине XVII века приходов, в которых все церковные должности в причтах пустовали, не было. Однако уже в конце 1670-х гг. на погосте в Выгозере и в двух выставках в Кулгале и в Тудозере, в 1700-х гг. — в выставках Кулгале и Саргозере клир отсутствовал.

В начале 1560-х — начале 1630-х гг. сохранялась традиция служения иеромонахов при приходских церквях. Должность дьякона появилась в причтах отдельных церквей в конце 1610-х — начале 1630-х гг. Число дьяконов во второй половине XVII века увеличилось в пять раз: с 4-х в 1646 г. до 22-х в 1707 г. Однако их доля осталась незначительной, составив к 1707 г. всего 6% (22 человека из 345-ти).

Условия служения клира также зависели от материального достатка прихожан. Самые благоприятные сложились в начале 1560-х гг., когда члены причтов проживали в собственных дворах и только девять делили дворы друг с другом. В начале 1580-х гг. ухудшилось положение некоторых клириков и причетников: 8 из 167-ми проживали в домах прихожан, так как их дворы сожгли шведские отряды. Еще 22 церковных двора были заброшены. В конце 1610-х гг. значительно более трети священно- и церковнослужителей, а именно 66 из 178-ми не имели дворов. Они проживали в кельях (29), нашли временный приют у прихожан (17), переселились в соседние деревни на тяглые пустые участки (15), либо делили дворы друг с другом (5). Писец Петр Воейков отметил 20 разрушенных и 13 запустевших церковных дворов и келий. В 10-ти из них ранее проживали священники, в 14-ти — дьячки и пономари, в девяти — проскурницы и проскурники. Они были убиты или ушли из приходов.

К середине 1640-х гг. подавляющее большинство клириков и причетников — 192 из 233 (82%) — имели собственные дворы. Остальные, как правило, пономари и проскурницы проживали в отдельных в кельях (20) или делили дворы и кельи с кем-либо (21). На 12-ти погостах и в 34-х выставках были построены, но пустовали 47 дворов и келий для проскурниц.

К началу XVIII века увеличилась доля клириков и причетников, деливших дворы друг с другом. В частности, 232 из 345-ти человек были главами дворохозяйств, остальные были отмечены во дворах родственников (91) или крестьян (14).

Таким образом, церковно-приходская система в Заонежских погостах сложилась уже к середине XVI века и продолжала непрерывно развиваться до начала XVIII в. На погостах и в выставках возводились новые, реконструировались старые церкви. В первой половине XVII столетия новые церкви наиболее часто появлялись в северо-западных погостах, а в юго-восточных — во второй. Количество храмов в регионе увеличилось почти в четыре раза — с 34 в 1496 г. до 133-х в 1707 г. Состав причтов был немногочисленным, включал в основном по два — четыре человека. Условия служения клириков и причетников менялись в зависимости от благосостояния прихожан. В первую очередь, община отказывалась от услуг пономарей и проскурниц, о чем свидетельствуют сведения о запустевших дворах, в которых они некогда проживали.

Второй параграф *«Церковные приходы Лопских погостов»* посвящен выявлению особенностей складывания церковно-приходской системы в семи Лопских погостах. И. А. Чернякова подсчитала, что в 1597 г. в крае стояли семь храмов, в 1678 г. — 13. Расцвет строительства храмов пришелся на начало 1660-х — середину 1670-х гг., когда были построены пять храмов, ставших центрами первых выставок. В начале XVIII века количество храмов не изменилось. Однако крестьяне перестраивали церкви. К 1707 г. на Паданском погосте миряне возвели второй храм Николая Чудотворца, в то время как на погосте в Сельге второй храм Ильи Пророка был разобран.

Причты церквей в конце 1590-х и конце 1670-х гг. включали, как правило, священника, дьячка и/или пономаря. Четвертая должность — проскурницы — появляется впервые в Панозере в начале XVIII века.

В конце XVII столетия состав причтов в некоторых приходах сократился до одного или двух человек. Сыновья клириков уходили в другие уезды, причетники со смертью священников покидали приходы и церковные должности в течение нескольких лет, предшествовавших 1707 г., оставались никем не заняты. Если в конце 1670-х гг. пустовал причт всего одной церкви — Гимольской в Селецком погосте, то в 1700-х — четырех церквей, стоявших в Гимольской и Юштозерской выставках, на погостах в Линдозере и Шуезере.

Клириков и причетников в приходах Лопских погостов было немного: в 1597 г. — 19, в 1678 г. — 31. В 1707 г. в церквях служили всего 17 человек, то есть почти в два раза меньше, чем тридцатилетие назад. Восемь церковных дворов, в которых ранее проживали священники (4), дьячки (2), пономарь и проскурница, пустовали.

Вплоть до последней трети XVII века все клирики и причетники являлись домохозяевами. В 1670-х — 1700-х гг. увеличилось количество пустых дворов — с одного до восьми. В это время в собственных дворах проживали не все, однако значительно более половины клириков и причетников: 21 из 31-го (68%) в 1678 г., 13 из 19-ти (68%) в 1707 г. Остальные делили дворы в основном с отцами и братьями, крайне редко — с соседями-крестьянами.

Таким образом, в приходах Лопских погостов велось интенсивное строительство храмов, количество которых с конца 1590-х по 1700-е гг. увеличилось вдвое — с 7 до 13. В причтах, включавших по два или три человека, не состояли дьяконы и проскурницы. Развитие церковно-приходской системы в Лопских и в Заонежских погостах во многом было схожим. Возведение новых храмов, расширение причтов, условия их служения зависели во многом от благосостояния прихожан. К началу XVIII века приходы Лопских погостов

оказались перед серьезной проблемой. Клирики и их сыновья покидали причты и переходили в другие приходы.

В целом, изучение состава церквей и причтов по нескольким временным срезам позволило локализовать храмы, установить особенности их возведения и создало перспективу для исследования социальной истории приходов.

Вторая глава «Складывание священнослужительских династий» состоит из пяти параграфов. В первом параграфе *«Развитие практики наследования церковных должностей в Заонежских погостах»* выявлены родственные и фамильные связи приходского духовенства.

С середины XVI века в приходах Заонежских погостов стал закрепляться принцип передачи церковных должностей по наследству. Если в начале 1580-х гг. всего 20 из 167-ми клириков и причетников (12%) были родом из местного духовенства, то в начале 1700-х — 266 из 345-ти (77%), что почти в шесть раз больше.

Узы родства, объединявшие клириков и причетников отдельных приходов, выявляются уже по писцовой книге начала 1580-х гг. Согласно этому документу, у девяти (из 60-ти) сельских священников в причтах состояли шесть сыновей и семь братьев. В первой половине XVII века в составе причтов нередко служили одновременно и племянники, и братья отцов. Сохранялись широкие возможности для сравнительно быстрого продвижения по службе всех сыновей священников. Должности наследовались как по прямой, так и по боковой линиям в соответствии с архаичным принципом старшинства в роде.

Для последней трети XVII — первого десятилетия XVIII века выявлены значительно более разветвленные родственные связи. Согласно переписной книге и актам, в 1670-х гг. уже 39 священников, 3 дьякона, дьячок и пономарь имели родственников в причтах (всего 75 человек). Таким образом, 119 из 288-ми членов причтов (41%) состояли в родстве. Еще спустя тридцать лет 62 священников, 3 дьякона, 11 дьячков и проскурница одновременно служат со 137 родственниками. Это означает, что в начале 1700-х гг. каждый второй священно- и церковнослужитель имел родственников в церковных причтах (всего в родстве состояли 214 из 345-ти (62%) человек). В причтах теперь не только внуки и правнуки клириков, служивших в приходах в конце XVI — первой половине XVII века, но также их братья, дядья и племянники в третьем и четвертом поколениях.

Некоторые священнические династии, включавшие несколько семей, связанных друг с другом по прямой и боковой линиям родства, сложились к середине—концу XVII века. Фамильные связи отдельных клириков и причетников, служивших в 1707 г., восстанавливаются до седьмого поколения. В частности, 153 из 345-ти членов причтов продолжали церковное служение во втором или третьем поколениях, 107 — в четвертом, пятом или шестом, 6 — в седьмом. Положение отдельных семей к этому времени так прочно утвердилось в приходах, что мирской образ жизни некоторых представителей старших поколений не мешал младшим занять церковную должность.

В отдельных приходах во второй половине XVII века младшие сыновья и братья клириков стали закреплять за своими семьями должности дьячков и пономарей. В начале XVIII века складывались династии дьяконов, церковных дьячков и пономарей.

Во второй половине XVII столетия участились случаи перехода сыновей священников и причетников в соседние приходы, в которых появлялись свободные церковные должности и сохранялись широкие перспективы для продвижения по службе. К середине 1640-х гг. в новые приходы перешли 7 человек, в 1670-х — 24, в начале 1700-х — 13.

Таким образом, в Заонежских погостах уже в конце XVI века развивалась практика передачи церковных должностей родственникам клириков. В отдельных приходах к се-

редине — концу XVII столетия оформились священнослужительские династии. Переходы сыновей клириков способствовали разрастанию родственных связей между представителями духовенства, выделению из династий отдельных семей, закреплявших за собой церковные должности в причтах соседних приходов. Несмотря на это, в большинстве приходов все еще сохранялись возможности для включения в причт представителей иных социальных групп и младших сыновей клириков.

Во втором параграфе «*Замещение церковных должностей в приходах Лопских погостов*» исследованы родственные и фамильные связи клириков и причетников семи (позднее тринадцати) приходских храмов.

В конце XVI века в приходах Лопских погостов в родстве состояли 6 из 19-ти (32%) клириков и причетников. В конце 1670-х гг., согласно материалам переписной книги 1678 г. и актам, в родстве состояли уже более половины священно- и церковнослужителей: 19 из 32-х (52%) человек. У восьми священников и дьячка в причтах также состояли сыновья (7) и братья (4). Они служили в основном дьячками (2) и пономарями (8); только один был священником.

К этому времени чуть более трети священно- и церковнослужителей — 11 из 32-х (34%) — происходили из местного духовенства. Десять состояли в причтах во втором поколении, один — пономарь Федка Иванов из Семчезера — в третьем. Отсутствие сведений о происхождении прочих клириков позволяет предположить, что прихожане выбрали кандидатов на церковные должности из крестьян или призывали священников из соседних и отдаленных приходов Заонежских погостов.

В начале XVIII столетия преемственность поколений клириков и причетников сохранилась: 14 из 17-ти священно-церковнослужителей были потомками местных священников и дьячков (являлись представителями семи семей). Двое служили в третьем и в четвертом поколениях, остальные — во втором. В некоторых приходах сыновья клириков покинули родные приходы из-за развивавшегося в крае хозяйственного запустения.

В целом, в приходах Лопских погостов в конце XVI века существовала традиция передачи церковных должностей родственникам местных клириков и причетников. Династии священнослужителей в отдельных приходах складываются к началу XVIII столетия. Несмотря на постепенное расширение родственных связей духовенства, церковные должности во второй половине XVII века были доступны для всех желающих. Вопрос о подыскании священника, особенно в немногочисленных выставочных приходах Лопских погостов, всегда остро стоял перед прихожанами. Выбор на церковные должности сыновей или братьев клирика был для прихожан наиболее простым способом решения проблемы.

В третьем параграфе «*Сыновья клириков и бывшие причетники на службе в приказной избе*» изучена деятельность детей духовенства, поступивших на службу в олонекской воеводскую избу или подрабатывавших на площади г. Олонца во второй половине XVII — начале XVIII века.

Из десяти—восемнадцати человек, работавших в олонекской избе в 1650—1670-х гг., около трети происходили из местного духовенства. Это позволяет поставить под сомнение вывод Н. Ф. Демидовой о том, что сыновья клириков служили в приказных избах центральных городов много чаще, чем в городах Севера.

Сыновья священников и бывшие церковные дьячки, состоявшие подьячими в олонекской приказной избе, быстро продвигались по служебной лестнице. В частности, двое — Анисим Иванов в 1650-х — 1660-х гг. и Федор Иванов Дьяконов в 1670-х — получали самые высокие из установленных для подьячих оклады в 13—15 рублей. В 1660-х гг. в

приказе служили Артемий и Андрей Якимовы Поповы, сыновья первого священника Троицкого собора г. Олонца Якима Евстафьева. Они быстро зарекомендовали себя и спустя год после включения в подьячие получали по шесть рублей (размер самого маленького оклада составлял четыре рубля). В молодых подьячих избы без оклада служил с 1663 по 1668 гг. Стефан Евдокимов, сын поповского старосты Коловой десятины Евдокима Лазарева. Площадными подьячими были церковные дьячки г. Олонца Мокей Осипов, Ивашка Аристов и Елизарий Романов, сын священника Романа Григорьева из Гейтольской выставки Олонецкого погоста.

На службе в подьячих остались не все сыновья клириков. Некоторые, например, Евдоким Лазарев и Елизарий Романов, вскоре стали священниками.

Таким образом, служба в подьячих привлекала церковных дьячков и сыновей священников. Она позволяла им не только реализовать свои способности, но также обеспечивала стабильный достаток и повышала социальный статус. Принимая детей местного духовенства на службу в приказ, олонецкие воеводы нарушали нормы указа 1640 г. о запрете включения сыновей священников и дьяконов в подьячие.

В четвертом параграфе *«Причетники и дети клириков на службе в пашенных солдатах»* изучены мероприятия по включению церковных причетников и сыновей духовенства в пашенные солдаты в годы проведения в Олонецком уезде военной реформы (1649—1666 гг.).

На основании изучения биографий 57-ми сыновей клириков и причетников, а также церковных дьячков, сделан вывод, что они записывались в полки наравне с крестьянами. Церковные дьячки становились полковыми подьячими. Стремясь избежать службы, причетники принимали духовный сан или испрашивали для себя статус «охудалых». Некоторых укрывали при поддержке земских старост отцы-священники.

Несмотря на запись сыновей клириков и причетников в солдаты и драгуны, многие из них в середине 1660-х — 1670-х гг. вернулись в родные приходы и сумели вновь войти в причты.

В пятом параграфе *«Практика выбора клириков и причетников из крестьян и жителей посада»* изучена роль приходской общины в выборе кандидатов на церковные должности. Во второй половине XVII века приходская община избирала членов причтов и отстраняла неугодных клириков от службы в храме. Это право общины признавали сами кандидаты и олонецкие воеводы, которые до конца 1660-х гг. являлись главными арбитрами в спорных ситуациях. Окончательное решение зависело от изменчивого настроения и интересов большинства выборщиков главным образом тех, которые занимали выборные должности земских старост и отличались уровнем благосостояния.

Таким образом, карельское духовенство во второй половине XVII столетия оставалось открытой социальной группой. Его представители по собственному желанию или по принуждению властей нередко меняли род деятельности. Однако при удобном случае некоторые из них (также как и их дети) находили возможность вернуться в приход и получить церковную должность. Олонецкие воеводы в ходе проведения реформы пашенных солдат не выделяли сыновей клириков и причетников, не препятствовали занятию ими мест в приказной избе. Приходские выборы, которым воевода, клирики и крестьяне придавали значимую роль, также способствовали сохранению открытости клира.

В то же время большинство сыновей духовенства служили в церквях. В некоторых приходах семьи клириков закрепили за собой церковные должности. К середине — концу XVII века складываются династии священнослужителей в Заонежских, а к началу

XVIII века — в Лопских погостах. К началу XVIII века появляются также династии дьячков и пономарей, занимавших должности в третьем и четвертом поколениях.

Третья глава **«Сельское духовенство и крестьянское сообщество в контексте социально-экономических отношений»** посвящена изучению участия клириков и причетников в повседневной хозяйственной жизни крестьянской общины. В первом параграфе **«Клирики и причетники — участники краткосрочных займов»** рассмотрен вопрос о выдаче священно- и церковнослужителями займов деньгами, продуктами сельского хозяйства и ремесла местным жителям.

Выявлены и проанализированы материалы 75-ти дел за 1648—1681 гг., в которых приведены имена кредиторов (30 человек) и должников (40 человек) из местных клириков и причетников. Чаще всего брали займы или предоставляли в долг деньги и хлеб сельские священники (20 кредиторов, 27 должников). Нередко в займах участвовали церковные дьячки (шесть кредиторов, восемь должников) и пономари (три кредитора, два должника).

Кредиторами или должниками клириков и причетников являлись 305 человек. Из них 284 (93%) были крестьянами, одиннадцать — жителями посадов, восемь — священниками. Среди кредиторов духовенства значились лица с высоким социальным статусом — московский постельничий Михаил Хабаров и владелец олонецких заводов Андрей Бутенант.

В большинстве исков — 51 из 64-х (80%) — кредиторы требовали взыскания денежных сумм, что позволяет сделать вывод об определенном уровне развития товарно-денежных отношений в уезде. Остальные иски были связаны с требованием вернуть как деньги, так и продукты сельского хозяйства.

С помощью заемных и кабальных записей нередко оформлялись торговые сделки, в которые вступали клирики и причетники. Это означает, что представители сельского духовенства покупали и продавали хлеб, рыбу, изделия ремесла для собственных нужд. Некоторые из них становились подрядчиками по поставке жителям посада и зажиточным крестьянам продуктов сельского хозяйства и ремесла. Другие участвовали в торговых операциях, рассчитанных на получение прибыли. Перекупая у крестьян железо и хлеб, приходские священники оказывались первичными скупщиками, что противоречило норме Соборного Уложения 1649 г. и определению церковного собора 1667 г., запрещавшим клирикам торговать.

Суммы частных займов, которые брали или получали представители духовенства, колебались от четверти рубля до 73-х рублей. В большинстве случаев они составляли до полутора рублей. Займы, выданные клириками мирянам на земские нужды, составляли от двух до 35-ти рублей. Размеры коллективных займов, к выплате которых были привлечены члены причтов, варьировались от двух до 79-ти рублей.

В числе привлеченных нами для анализа дел нет списков с крепостей. Согласно ст. 255 Гл. X Соборного Уложения 1649 г., истцам разрешалось требовать взыскания с ответчиков только суммы займа, поэтому в челобитных нет сведений о процентных ставках. В отдельных случаях в судебных исках присутствуют указания о том, что кредиторы, требовавшие возврата долгов, брали деньги под проценты (чаще всего двойные). Вопрос о том, устанавливали ли процентную ставку клирики, предоставляя займы, на данном этапе исследования остается открытым.

Никаких особых льгот священники и члены их семей по рассрочке выплаты долгов не имели. Воеводы давали рассрочку по выплате долгов только пашенным солдатам, не-

редко освобождая их от взноса сумм на время военной службы. Это становилось причиной разорения кредиторов солдат, в том числе олонецкого духовенства.

Большинство исков — 39 из 62-х (63%) — были быстро удовлетворены. Жестких мер в отношении должников добивалась треть кредиторов (21 иск из 62-х). Священники-кредиторы относились к должникам достаточно терпимо. Они ожидали выплаты некогда выданных займов и лично приезжали в ту или иную волость для увещаний. Тем не менее клирики не отказывались от возможности вернуть причитающееся и фиксировали сведения о задолженностях мирян в своих духовных. В отдельных случаях они шли на открытый конфликт с должниками, подавая в приказ судебные иски. Однако и кредиторы-миряне предъявляли иски клирикам. Посредством оформления кабальных записей приходские священники включались в число крестьян-общинников, выплачивавших свои доли на разнообразные мирские расходы.

Второй параграф *«Практики выплат за церковное служение»* посвящен малоизученному вопросу о способах обеспечения сельского духовенства. В основе исследования — материалы десяти дел, рассмотренных олонецкими воеводами в 1650—1670-х гг.

Плата за совершение частных треб (например, сорокоуста, панихиды) не была фиксированной и зависела от усердия прихожан. Размеры руги, то есть ежегодной платы за церковное служение в приходе, не были абсолютно произвольными. Они устанавливались по договоренности клириков с мирянами на основе старинных обычаев, сложившихся в приходе и закрепленных в формуляре грамоты, определявшей обязанности сторон — клирика и прихожан. Зачастую крестьяне не учитывали изменяющуюся хозяйственную ситуацию и не меняли размеры руги. Это становилось источником конфликтов со священниками.

Как удалось установить, только часть руги, которую клирики получали деньгами и зерном, шла на выплату архиерейских сборов и пошлин. Оставшуюся часть клирики использовали для личных нужд, в том числе могли раздавать в долг крестьянам.

Таким образом, карельские клирики и причетники во второй половине XVII века активно предоставляли и брали займы деньгами, реже — продуктами сельского хозяйства и ремесла. Тем самым они включались в хозяйственную жизнь общины. Их интересы оказывались тесно переплетены с интересами и повседневными хозяйственными нуждами крестьян. Некоторые священники и причетники вели торговую деятельность, являясь первичными скупщиками, или подряжались поставлять продукты сельского хозяйства. Это означает, что в среде сельского духовенства развивалась имущественная дифференциация. Одни священнослужители становились зажиточными, в то время как другие разорялись или вынуждены были довольствоваться немногим.

Четвертая глава *«Приходское духовенство и его роль в управлении регионом»* посвящена изучению отношения крестьянской общины, церковной и светской властей к сельским клирикам и причетникам как к исполнителям разнообразных поручений по административным и земским делам. В первом параграфе *«Поповские старосты: состав и особенности деятельности»* рассматриваются вопросы, связанные с участием выборных представителей сельского клира в управлении церковными округами.

Первые сведения о поповских старостах, выявленные нами в актах, относятся к концу 1650-х — началу 1680-х гг. (Выгозерский и Оштинский станы Заонежской десятины — 1658 г., Водлозерский стан Заонежской десятины — 1671 г., Коловая десятина — 1664 г., Лопские погосты — 1681 г.). В Коловой десятине должность была введена через год после рассмотрения дела о вымогательстве светскими слугами митрополита — десятинниками — дополнительных поборов с сельских клириков и монастырей. С конца 1660-х — сере-

дины 1670-х гг. все поповские старосты были поставлены под контроль архимандрита Александро-Свирского монастыря.

В конце 1650 — 1690-х гг. должности поповских старост в разное время занимали четырнадцать священнослужителей. Они происходили из среды сельского духовенства, имели значительный стаж службы в храме (являлись священниками от 4-х до 19-ти лет) и были людьми зажиточными. Это соответствовало требованиям Стоглава 1551 г. о кандидатах на должность. Многие избирались в поповские старосты повторно и служили с небольшими перерывами в течение шести–девяти лет. Возникла практика передачи должности представителям одной семьи.

Анализ 50-ти поручений, выявленных в актах приказного делопроизводства за 1650—1690-е гг., позволил сделать вывод, что поповские старосты исполняли все обязанности, которые были возложены на них определениями Стоглава 1551 г. Они осуществляли сбор церковной дани и пошлин (17), выполняли функции приставов и сыщиков по судебным делам, в которых клирики или монашеские общины выступали истцами или ответчиками (12), контролировали духовную и нравственную жизнь прихожан и клириков (10), следили за организацией молебнов (5), удостоверяли духовные памяти (6). В отдельных случаях в первой половине 1660-х гг. олонечские воеводы поручали поповским старостам обязанности судей по гражданским искам, поданным с жалобой на клириков в краже имущества и в подделке грамот. Это свидетельствует о том, что воеводы расширили полномочия поповских старост, которые были за ними в дальнейшем сохранены. В 1670—1680-х гг. поповские старосты самостоятельно разбирали судебные дела (в первую очередь, связанные с нарушением церковных канонов мирянами, с неблагоприятным поведением клириков), однако теперь осуществляли полномочия под контролем архимандрита Александро-Свирского монастыря.

Новгородский митрополит жестко контролировал деятельность поповских старост. Пристальный надзор осуществлялся за своевременным сбором церковной дани. Не доверяя поповским старостам, владыка разрешал строителям карельских монастырей самостоятельно привозить пошрины, поручал в отдельные годы сбор дани игуменам и строителям.

Упоминаний о злоупотреблениях поповских старост в анализируемых документах мы не обнаружили, однако выявили, что довольно часто они не справлялись с обязанностями приставов и вынуждены были прибегать к помощи олонечских воевод.

Второй параграф *«Клирики и причетники — исполнители поручений олонечских воевод»* посвящен изучению деятельности священников и дьячков, получавших от воевод наказные памяти с поручениями судебного характера.

Нами проанализированы 28 судебных дел из архива олонечских воевод, датированные концом 1640-х — концом 1670-х гг. Обращение к нормам церковного законодательства, которое в 1667 и 1675 гг. изъясло суд над духовенством по гражданским искам из ведения воевод, позволяет сделать вывод, что олонечские воеводы в 1670-е гг. превышали свои полномочия, привлекая священников (14) и дьячков (7) к осуществлению судопроизводства.

Главным образом, они исполняли функции приставов и сыщиков (23 из 28 случаев). Кроме того, олонечские воеводы поручали священникам самостоятельно разбирать споры о границах земельных участков.

Олонечские воеводы, привлекая клириков к управлению, руководствовались прагматичными соображениями. Зачастую священники и дьячки исполняли поручения, с которыми не справлялись земские выборные старосты и состоявшие на службе в приказе по-

дьячие, стрельцы и пушкари. Это позволяло пресекать злоупотребления земских старост, которые могли вступить в сговор с приказными служащими, а также воздействовать на провинившихся не только силой, но и увещеванием с опорой на духовный авторитет клириков.

В третьем параграфе «*Священники и дьячки в земских делах*» исследованы случаи привлечения крестьянской общиной клириков к решению разнообразных дел. Материалы девяти судебных дел из фонда «Олонекской воеводской избы», датированные второй половиной XVII столетия, позволяют сделать вывод, что крестьянская община избирала клириков в подрядчики по поставкам хлеба в казну (4), а также в волостные посылыщики (3). Сохранились свидетельства о том, что один священник являлся денежным сборщиком при земском старосте, а другой — денежным счетчиком, проверявшим финансовую деятельность земских старост.

Клирики и причетники были нередко доверенными лицами пашенных солдат (7) и крестьян, не вернувших долги (4) или призванных к ответу в суд (3). В половине случаев солдаты и крестьяне нарушили обязательства поручных записей. Поэтому священно- и церковнослужителям приходилось самим рассчитываться с кредиторами за должников, или разыскивать провинившихся для высылки в суд и на солдатскую службу. Дьякону Еуплу Ананьину из Юковской выставки Остречинского погоста довелось явиться на Олонец вместо родного брата Ипатки, беглого солдата. Воевода и крестьяне в подобных делах не считались со статусом клириков и причетников.

Прослежена деятельность 20-ти жителей региона, которые совмещали службу в храме с функциями земских писчиков. Навык письмоводства они получили от родственников: шестнадцать являлись сыновьями и братьями клириков и причетников. Временно выходя из состава причтов, дьячки избирались на ключевые земские должности старост или становились приставами, получая от воевод соответствующие наказные памяти.

Таким образом, клирики и причетники принимали деятельное участие в волостном и низшем церковном управлении. С введением должности поповских старост началось формирование новой церковной структуры управления, которая была закреплена определениями церковных соборов 1667 и 1675 гг. Контроль за деятельностью поповских старост стал осуществлять архимандрит Александро-Свирского монастыря.

Выстраивание вертикали власти создавало уверенность в том, что поповские старосты будут действовать в интересах епархиальной администрации. Анализ поручений, доверенных им митрополитом и воеводой, показывает, что они исполняли все те обязанности, которые были возложены на них определениями Стоглава 1551 г. Безусловно, это способствовало усилению контроля за церковной жизнью во вверенных их управлению приходах.

В то же время поповские старосты не оставались исключительно представителями епархиальной власти. В повседневной жизни они были тесно связаны с крестьянской общиной, разделяли ее проблемы и чаяния. Наделенные особыми властными полномочиями, они обладали непререкаемым авторитетом среди прихожан. С ними приходилось считаться и воеводе, и светским слугам митрополита.

Клирики нередко выступали в качестве связующего звена между двумя уровнями власти: воеводской и земской. Без сомнения, обращение самого воеводы к ним с ответственными поручениями содействовало росту их авторитета в приходе. Доверяя клирикам важные финансовые полномочия, крестьяне рассматривали их в качестве лучших представителей общины, которые были способны отстаивать интересы всех, так как отличались знанием грамоты и являлись служителями Церкви, обладавшими духовной властью.

Привлечение сельских клириков и дьячков к решению общественно значимых дел объяснялось также неразвитостью аппарата управления, недостатком грамотных людей на местах.

В **Заключении** подведены итоги исследования, ставшие основой выносимых на защиту положений.

Церковно-приходская система сложилась в семнадцати Заонежских и семи Лопских погостах к середине XVI в. К этому времени из погостских приходов уже выделились выставочные. Спустя еще полтора столетия храмы появились в самых отдаленных уголках региона. В целом, в Заонежских погостах общее количество церквей увеличилось в четыре раза — с 32-х церквей в конце XV века до 133-х храмов в начале XVIII века, в Лопских погостах вдвое — с 7-ми до 13-ти храмов.

Возведение храмов, расширение состава причтов не было последовательным. Ситуация каждый раз определялась благосостоянием прихожан и их внутренним духовным настроением. Расцвет храмового строительства, начавшийся в первой половине XVI столетия, продолжался до начала 1570-х гг. В начале 1580-х и в начале 1610-х гг. многие храмы были разрушены, составы причтов сократились, ухудшились условия служения клириков. Интенсивное возведение церквей велось в конце 1610-х — середине 1630-х гг. К концу 1630-х — середине 1640-х гг. оно вновь сменилось периодом, в течение которого храмы не появлялись и не перестраивались, а некоторые были реорганизованы в часовни. Новый всплеск строительства пришелся на начало 1650-х гг. — начало 1690-х гг.

Храмовое строительство в разных регионах Заонежских погостов не было равномерным. На северо-западе строительство церквей было более интенсивным в первой половине XVII века, в юго-западных — во второй.

Церковные причты не отличались многочисленностью. Большинство из них включало по два, три или четыре человека, из которых только один (в редких случаях — два или три) являлся священнослужителем.

В середине — конце XVI столетия некоторые клирики и причетники, как свидетельствуют писцовые книги, приходились друг другу родственниками. В последующее время эти связи стали расширяться, что свидетельствует о стремлении сыновей духовенства продолжить церковное служение и о желании отцов закрепить за своими семьями церковные должности в причтах. Сыновья продвигались по службе в причтах и вскоре заступали на места отцов-священников. Некоторые из них, переходя на службу во вновь появлявшиеся церкви, сразу получали священнические должности.

В конце 1610-х — середине 1640-х гг. сохранялись широкие возможности быстрого продвижения по службе сыновей клириков и введения в причты лиц со стороны. В то же время, в отдельных приходах семьи духовенства закрепили за собой церковные должности. Вследствие этого некоторые причетники даже после смерти отцов-священников были дьячками и пономарями. Стать священником сыновьям клириков нередко мешал все еще применявшийся архаичный принцип передачи должностей — по старшинству в роде, то есть от старшего брата — к младшему.

По сведениям источников с середины 1640-х до конца 1670-х гг. выявляются династии священнослужителей, складывавшиеся в отдельных приходах и включавшие несколько семей, связанных друг с другом по прямой и боковой линиям родства. В то же время причты оставались открыты для лиц со стороны, в том числе и для тех сыновей и внуков священников, которые вели мирской образ жизни. К началу XVIII столетия в некоторых приходах представители отдельных семей клириков служили в церкви в пятом-седьмом поколениях.

Несмотря на развитие принципа наследования церковных должностей, карельское духовенство оставалось открытой социальной группой в середине XVI — начале XVIII века. Это было обусловлено прежде всего сохранявшейся значимой ролью приходской общины в выборе кандидатов на церковные должности. Олонецкий воевода, новгородский митрополит и клирики признавали в спорных ситуациях законность решения общины.

Законодательство регламентировало отдельные стороны жизни клириков и их сыновей, однако эти нормы зачастую нарушались. Сыновья поступали на службу в подьячие, клирики нередко вели торговые операции, выступая в роли первичных скупщиков продуктов ремесла и сельского хозяйства.

Кроме того, власти зачастую не выделяли клириков из среды крестьян. В период введения службы пашенных солдат (1649—1666 гг.) сыновья священников и даже церковные дьячки записывались в полки наряду с крестьянами. Никаких льгот и исключений не делалось для священников и причетников при взыскании кабальных займов с должников. В качестве доверенных лиц крестьян они нередко несли за них всю полноту ответственности.

Более того, сами крестьяне не выделяли священников и причетников из числа членов общины. Включая их в разверстку мирских платежей, община видела в клириках лучших своих представителей и избирала для исполнения ответственных земских дел. В то же время участие прихожан в подборе кандидатов на церковные должности, назначении руги духовенству, строительстве храмов и поддержании их благолепия способствовало формированию покровительственного отношения общины к церкви и клиру.

Положение клириков и причетников по отношению к общине определялось, как заявляли сами прихожане, степенью их зажиточности и участием в управлении регионом. Во второй половине XVII столетия в среде духовенства развивалась имущественная дифференциация, чему способствовало участие клириков и причетников в краткосрочных займах и в торговых операциях. Одни из них раздавали в долг хлеб и деньги крестьянам соседних волостей. Другие вынуждены были прибегать к подряду или даже разорялись в связи с отказом должников рассчитаться по займам.

Выбор на должность поповского старосты или получение клириком наказной памяти от воеводы, безусловно, содействовали росту их авторитета в общине и возвышали над ней. В то же время, принимая участие в управлении, они превращались в доверенных лиц воевод. В свою очередь воеводы, давая им поручения, опирались на отношение самих крестьян к клирикам как к наиболее уважаемым представителям локальных сообществ. Это добавляло возможности для выстраивания вертикали власти.

Будучи избранными на должности поповских старост, клирики также включались в церковное управление регионом. Несмотря на жесткий контроль новгородского митрополита и исполнение всех поручений, которые соответствовали нормам церковного законодательства, они не были слугами митрополита, которые должны были отстаивать исключительно его интересы. Весь строй приходской жизни, так же как и особенности хозяйственной деятельности, связывали поповских старост с интересами общины, делая их положение довольно независимым, а позицию самостоятельной.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных результатов диссертационного исследования:

1. Сулова Е. Д. Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII века: опыт локального исследования // Российская история. 2009. № 3. С. 123—127. (0,4 п. л.).
2. Сулова Е. Д. Духовенство и миряне Олонецкого уезда: опыт урегулирования кабальной тяжбы в Шуйском погосте в середине XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 75—86. (0,8 п. л.).

Тезисы, опубликованные в материалах международных конференций:

3. Suslova E. Fishery in the Basin of the River Kamennaya According to Historical Data (Informative limits of written sources to counting evidences through the ages) // Encounters of Sea and Land. The 6-th European Society for Environmental History Conference: Hand Programme and Abstracts (Turku, Finland, 28 June — 2 July, 2011). Turku: University of Turku, 2011. P. 181—182. (0,1 п. л.).
4. Сулова Е. Д. Опыт исследования начального этапа складывания династий приходского духовенства по материалам Олонецкой воеводской избы второй половины XVII в. // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Петрозаводск, 4—8 июля 2011 г.). Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2011. С. 492. (0,1 п. л.).

Научные статьи в других изданиях:

5. Сулова Е. Д. Священник в Карелии в XVII веке: его права, обязанности и взаимоотношения с прихожанами (по массовым источникам и материалам Олонецкой воеводской избы) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции (Великий Новгород, 15—17 ноября 2005 г.). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2005. С. 109—113. (0,4 п. л.).
6. Suslova E. Towards the concept of parish priest in the Early Modern Russian and Late Medieval Scandinavian (Swedish) perspective: [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. 2006. № 1—2, ISSN 1819-9399. Электрон. ст. Режим доступа: http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/FBACC01B-7766-4E03-9DA8-C6C9890C61DD.html, свободный. Яз. рус. Проверено 29.05.2011. (0,1 п. л.).
7. Сулова Е. Д. Церковь и причт в Карелии в раннее новое время: анализ информации массового характера // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию Тверского государственного университета (Тверь, 23—26 апреля 2006 г.). Тверь: Изд-во ТвГУ, 2007. Т. 2. С. 232—249. (0,8 п. л.).
8. Suslova E. Church parish as a religious, social and administrative unit of Moscow State in its northwestern borderland during the early modern time: [Электронный ресурс] // Материалы международной летней школы «State and Periphery in Controversy: The Local society formation on the Karelian borderland in a European context». Урозеро, Республика Карелия, 10—13 сентября 2007 г. / Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. 2007. № 2 (4), ISSN 1819-9399. Электрон. ст. Режим доступа: http://illmik.petsu.ru/2007_news4/Suslova.html, свободный. Яз. англ. Проверено 29.05.2011. (0,7 п. л.).

9. *Сулова Е. Д.* Прихожане и духовенство в Карелии раннего нового времени (по кабальным записям канцелярии олонецких воевод): [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2007. № 1 (3), ISSN 1819-9399. Электрон. ст. Режим доступа: http://illmik.petsu.ru/2007_news3/Suslova2.html, свободный. Яз. рус. Проверено 29.05.2010. (1,3 п. л.).
10. *Сулова Е. Д.* Писцовая книга Заонежских погостов 1616—1619 гг. как источник по истории церкви в Карелии раннего нового времени // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков»: К столетию со дня рождения П. А. Колесникова (Москва, 2—3 июля 2007 г.). М.: «Древлехранилище», 2008. С. 305—314. (0,6 п. л.).
11. *Сулова Е. Д.* К вопросу о формировании сословия духовенства в Карелии в раннее новое время (по материалам Шуйского погоста) // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (Петрозаводск, 16—17 октября 2007 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 316—322. (0,5 п. л.).
12. *Сулова Е. Д.* Духовенство Новгородской епархии в российско-шведском приграничье XVII века: практика привлечения к службе в пашенных солдатах и ее последствия (по олонецким актам) // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: Материалы международной научно-практической конференции (Новгород, 21—23 сентября 2008 г.). Ч. 1. Великий Новгород: НовГУ, 2009. С. 281—287. (0,3 п. л.).
13. *Сулова Е. Д.* Приходское духовенство в Карелии в раннее новое время: численность и особенности состава (по материалам писцовых и переписных книг): [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2009. № 1 (7), ISSN 1819-9399. Электрон. ст. Режим доступа: http://illmik.petsu.ru/2009_news7/Suslova1.html, свободный. Яз. рус. Проверено 29.05.2011. (1,2 п. л.).
14. *Сулова Е. Д.* Конфликт братьев Маркеловых: опыт урегулирования спора о причетнической должности церковного дьячка в Кижском погосте в середине XVII в. // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 12—17 сентября 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 182—184. (0,3 п. л.).
15. *Suslova E. D.* Reconstruction of Karelian parish net in early modern time: an experience of database formation // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» № 37. Труды международной конференции «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях» (Петрозаводск, 11—16 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 101—106 (0,3 п. л.).